

Лебединые души

Сборник рассказов, очерков и
маленькая повесть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виктор Рубцов

Виктор Рубцов

**Лебединые души. Сборник
рассказов и маленькая повесть**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рубцов В. Н.

Лебединые души. Сборник рассказов и маленькая повесть /
В. Н. Рубцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Рубцов Виктор Николаевич. Родился в 1950 году в городе Грозном. Учился в университете имени Л.Н.Толстого. Публиковаться начал в 1973 году. Первый сборник стихов вышел в 1991 году в издательстве "Nіregion" в Кишиневе. Пишет рассказы и повести. Последние четыре года живет в Краснодарском крае. В данный сборник включены рассказы, написанные в разные годы. Все они - о реальных прототипах и событиях из их жизни. Несут в себе гуманистическое начало и правду жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Лебединые души	5
Пенал	7
Чужой	17
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лебединые души

Новелла

Они давно постигли смысл свободы и простора, не признающие границ, не страшась неизвестности и человеческих бурь, бушующих на земле, той несправедливости, неравенства, злобы и зависти, что отравляют и разъедают души существ, ползающих и копошащихся в зловонной жиже повседневности.

Им даны Богом крылья, чтобы летать, быть выше, свободней и независимей. И они парят в небесной чистоте, освещенные солнечным и звездным сиянием, подчеркивающим их гордое великолепие.

Но мало кто из земных тварей, пожирающих друг друга, сытых и довольных своей подлой и низкой жизнью, завидует им. Чему завидовать: полету в безграничном пространстве, где нет даже навозного червяка, которого можно с удовольствием сожрать ради малейшей животной прихоти. То ли дело собственное болото или лужа, навозная куча, кишашая множеством соблазнительных тварей! Клюй себе да клюй, пожирай и пожирай, не поднимая головы к светилам и голубому простору. А потом согревайся калориями проглоченного тобою существа и квантами солнечного света на какой-нибудь болотной кочке. Разумно и приятно. И, главное, ни минуты времени, потраченного впустую.

А оно – главный господин, которому подчинено все – и собственное болото, кормящее тебя до поры до времени, пока не иссякнут в нем живность и влага, и – твоя ненасытная плоть.

От него несвободны и гордые, летящие в аквамаринном просторе, царственные птицы, зоркие и охватывающие с небесной высоты своим взглядом необъятную ширь, всю землю, невидимую тварям, копошащимся и пожирающим друг друга в своем болоте. Смена времен года поднимает царственных птиц с насиженных мест и гонит от зимних холодов или для продолжения рода через дали и дали. Они живут надеждой и движутся, сверяя по звездам свой нелегкий и опасный путь.

Обессиленные, спускаются белоснежные птицы на чистую, незамутненную и вольную морскую гладь. Но она, коварная, вдруг начинает волноваться, а то и кипеть в нагрывшем шторме. И застигнутые непогодой, снова взлетают голодные и обессиленные птицы с морской поверхности и ищут место потише, да и посытней, прибываются к болоту, спрятавшемуся за грядой базальтовых и известняковых валунов или за песчаными дюнами. И уподобляются живущим здесь безвылазно иным тварям. А когда болото покрыто панцирем льда, ищут новое место, летят, словно потерявшие гордость и самолюбие существа, поближе к городским помойкам и свалкам, в лучшем случае к пирсам и набережным, где, как последние попрошайки, ждут милости добрых душ, подбрасывающих им из жалости хлебные корки.

Подхватывают их ловко на лету, размачивают в ледяном рассоле волны и с жадностью проглатывают, испытывая благодарность за бескорыстие щедрых людей и унижение от собственного положения.

Но не все бескорыстны. Глядишь, иной горожанин, пользуясь лебединой доверчивостью, нацепит кусочек черствого хлеба на стальной крючок, привязанный к капроновому шнуру, и бросит наживку доверчивым птицам.

Умная и осторожная не соблазнится, но всегда найдется та, что схватит подачку и попадет на крючок. Охотник в этом уверен, как убежден и в собственной безнаказанности. Он – сильный, защищенный законами и всем окружением, которое никогда не даст его в обиду. Хотя, возможно, это тоже иллюзия. И у сильного найдется враг, который воспользуется его собственной слабостью, и вот так же, как голодную и потерявшую гордость птицу, поймает на крючок... Особенно тогда, когда его потенциальный противник теряет чувство меры и сам

может стать жертвой. Глядишь на все это и невольно задумываешься: а есть ли вообще на нашей грешной земле свобода и справедливость, возможны ли безнаказанные порывы души к безграничности и простору, добру и человеческому достоинству, гордости!

Наверное, это привилегия, данная только ангелам и всем бесплотным существам, наполняющим эфир и вселенную. И не потому ли люди издревле в поисках справедливости и свободы обращали свои взоры к небу, туда, где не нужно ползать в болотной жиже, ища пропитания, где все равны и свободны. Или и это иллюзия, разрушая которую, сверкают, вырываясь из тьмы антимира, ослепительные молнии и гремят небесные громы, пугающие или настораживающие наши души, которым тесно и душно в человеческой плоти?

Могу только догадываться, но о чем – говорить не хочу. Пусть каждый дойдет до этого сам.

И как бы там ни было, я все-таки люблюсь полетом великолепных, царственных птиц, расплескивающих своими крыльями небесную синь, и мечтаю, что когда-нибудь и у каждого из нас прорастут за спинами крылья, и мы поднимемся на них в голубую высь и полетим, свободные и счастливые, куда глаза глядят. По пути, данному Всевышним, куда зовут наши горячие и чистые сердца.

Пенал Рассказ

Накануне выпал первый ноябрьский снег, еще не уверенный в себе и не постоянный. Большими, слипшимися хлопьями он косо ложился на промокшую, взбухшую землю, не пожухшую от первых легких заморозков траву, и постепенно превращался в пушистое покрытие. Шумная и, похоже, не на шутку встревоженная снегопадом огромная стая грачей, прилетевшая из полей, бледно желтых от слившейся в единое полотно стерни, облепила уже сбросившие листву акации и тополя, окружившие двухэтажку поселковой школы и ее небольшой стадион. Птицы так громко и бесцеремонно галдели о непогоде, близких холодах и предстоящем перелете, что многим мальчишкам и девчонкам, сидевшим в теплых классах за поскрипывавшими от их ерзания деревянными партами, было не до учебы. Они с нетерпением ждали последнего звонка, чтобы наконец-то вырваться на свободу и поиграть в первые в этом году снежки, побегать и поваляться на снежном просторе расположенного за школьным забором аэродрома. Точнее, на прилегающем к нему пустыре.

Витька одним из первых выполнил упражнение по русскому языку, осушил промокашкой стальное перо простой ученической ручки и спрятал ее в пенал, расписанный в стиле палехской школы. Эту довольно дорогую и редкую по тем пятидесятым годам двадцатого века вещь мать достала по знакомству и, вручая ему, строго предупредила: «У ребят из вашего класса таких пеналов нет. Смотри, чтоб не стащили в школе, как закончишь писать, сразу складывай пенал и тетрадки в портфель, а то начнешь там ворон ловить и все прозеваешь...». Она всегда старалась покупать для первенца Вити лучшие, а порой и редкие вещи, чтобы было чем гордиться и хвастаться перед соседками и подругами.

На пенал сказочного вида с золотой Жар-птицей на крышке в классе, как заметил Витька, с завистью поглядывала не одна пара глаз. Он ценил его и берег, помня наказ мамы. Но сегодня, увлеченный снегопадом и птичьими криками, второпях засунул пенал не в карман дермантинного портфеля, а в проем черной деревянной парты. И как только в школьном коридоре прозвенел долгожданный звонок, оповестивший об окончании занятий первой смены, захлопали крышки парт, резво выскочил из-за своей парты, выдернул за ручку коричневый портфель, и помчался вслед за другими ребятами в раздевалку.

На лестнице он едва не сшиб с ног свою первую учительницу Аллу Петровну, которую минут за пятнадцать до окончания урока позвали к телефону, так как ей позвонил сын, служивший где-то далеко.

Витька был у Аллы Петровны лучшим учеником. Его фотокарточка с резной виньеткой уже висела на доске отличников. Туда ее поместили после окончания первого класса. Учиться Витька любил, знания впитывал как губка, был старательным и вдумчивым. Алла Петровна быстро выделила его из общей группы учащихся и нередко похваливая, гладила по коротко подстриженной под бокс голове. «Умничка, Стеганцов, прекрасно выполнил задание, вот с кого надо брать пример!» – Обращала она внимание соседа по парте Кольки Труфанова, шаловливого и отстающего в учебе.

Витьке было неудобно от подобных слов учительницы, особенно когда она ставила его в пример другим, а тем более его приятелю, с которым они жили на одной улице и вместе проводили основную часть свободного времени. Летом, несмотря на жару, гоняли до ночи в футбол. Зимой катались на санках с горы по десятой линии – проезду, пересекавшему все улицы их рабочего поселка.

Алла Петровна слегка вскрикнула от неожиданно налетевшего на нее воспитанника и, строго посмотрев ему сверху вниз в виноватые глаза, сделала замечание: «Стеганцов, по лест-

нице ходят, а не бегают, так и шею свернуть не долго. Летишь как ошалелый. Завтра в наказание будешь дежурным по классу и вымоешь полы после занятий!»!

– Простите, Алла Петровна, я нечаянно! – Попытался оправдаться Витька.

– Да ладно уж, нечаянно! Вижу как спешишь в снежки поиграть, догоняй своих друзей, чертенок, да смотрите, до вечера не заиграйтесь, про домашнее задание не забудьте!

– Хорошо, Алла Петровна, не забудем! – Понимая, что воспитательная часть разговора с учительницей закончилась, радостно пообещал Витька.

– Ладно уж, иди! – отпустила его Алла Петровна и по-доброму потрепала по короткой Витькиной челке широкой и теплой, как у его мамы, ладонью.

Алла Петровна была строгой, но очень доброй учительницей, учившей его не только писать и считать, но и честности, справедливости, порядочности во всем. Ее уроки он запомнит на всю жизнь. И не раз еще через много лет Витьке захочется встретиться с первой учительницей и рассказать о своих успехах и неудачах в жизни. К сожалению, это будет невозможно. Тяжелая болезнь сердца рано сведет ее в могилу. Но перед мысленным Витькиным взором она всегда будет стоять такой, какой он увидел ее в первый раз: живой, с аккуратной завивкой ржанных волос на голове, с широким, бесконечно добрым лицом и нередко строгими глазами, в темно-зеленом шерстяном платье, охватывавшем полную фигуру. Многим она напоминала Вите его мать.

На пустыре мальчишки пошвыряли портфели на снег и принялись накатывать снежные шары. Слепили из них первую в этом году снежную бабу. А потом, побросав в нее снежными комьями, разделились на две команды и стали играть в снежки, атакуя друг друга. Причем не только метали в неприятеля снежками, но и старались сбить с ног, извалить в снегу. Слой снега был еще всего сантиметров в десять, поэтому валявшиеся по нему пацаны нередко цепляли на полы и рукава курток и пальто сырую и пачкавшуюся землю. В азарте игры они не обращали на это внимания. И позже, выделавшись как черти, возвращались домой с чувством некоторой неловкости перед случайными прохожими, а кое-кто уже – с ощущением вины и легкого страха, с ожиданием будущих отцовских подзатыльников.

Благо, Витькин и Колькин отцы приезжали на пригородном поездке-дизеле, как правило, поздно вечером, так как работали в дирекции нефтеперерабатывающего завода и часто задерживались на производственных совещаниях. На предприятии строились новые технологические установки, министерство и специалисты-разработчики постоянно обращались с вопросами, на которые нужно было содержательно отвечать и принимать дополнительные меры по устранению каких-то недоделок. Да и из ЦК КПСС нередко звонили на завод, бывало что и затемно. Поэтому заводские специалисты-управленцы, а также члены парткома и комитета ВЛКСМ практически постоянно задерживались в заводоуправлении. Потом, освободившись, из Заводского района на трамвае доезжали до станции пригородных поездов Грозный-нефтяная. И подождав с полчаса на ее перроне или в зале ожидания, садились на поездок, состоявший из четырех-пяти вагонов. Тратили на дорогу в общей сумме больше часа. Ну, а когда заглядывали после очередной полочки в станционный буфет, где торговали пивом, то уезжали уже на следующем вечернем поездке. Бывшим фронтовикам, а теперь ответственным работникам заводоуправления, было о чем поговорить, что обсудить. Нередко они встречались и в выходные. Заходили друг к другу в гости вместе с женами и детьми. В то время телевизоров еще не было, люди, особенно заводчане, общались чаще, чем теперь. Жили более открыто, вместе одолевали беды и радовались успехам друг друга, опьяненные ароматом уже довольно сытой и, главное, мирной жизни.

Да и как могло быть иначе! Работали на одном, ставшем родным, заводе. Дома на улице строили по методу «своими руками», во многом помогая друг другу и приданным им на помощь учащимся ПТУ, которых в то время называли ремесленниками. И только в роли прорабов тут были профессиональные строители, которых можно было пересчитать по пальцам.

Так что, действительно, дома в заводском поселке, и рядовые рабочие-операторы, и инженеры, ведущие специалисты-управленцы, строили своими собственными руками. Все здесь начинали с первого колышка, и уже через несколько лет большой поселок, как из кубиков, сложенный из коттеджей, был похож на город-сад, утопавший в кипении цветущих абрикосов, яблонь, персиков и черешен. В нем сложился особый морально-психологический климат, основанный на неподдельном уважении жителей поселка друг к другу. Через много лет Витькины родители называли это время «хрущевской оттепели» самым счастливым в своей жизни. Хотя и тогда разных проблем хватало.

В город стали возвращаться выселенные в 1944 году в Казахстан и Среднюю Азию чеченцы и ингуши. Им нужно было где-то жить, устраиваться на работу. Но в дома и квартиры, в которых они раньше жили, вскоре после их насильственного переселения поселили беженцев со Ставрополя, Ростовской области, где многие дома в городах и станицах, а также предприятия были разрушены или сожжены во время боевых действий в период битвы за Кавказ. Вслед за огненным шквалом войны в эти области пришли безработица и голод. В Грозном, избежавшем оккупации, благодаря героическим усилиям советских войск, напротив, рабочих рук из-за массового призыва мужчин в воинские части, не хватало. Да и было гораздо сытнее, так как город, дававший фронту горячее, имел особый статус и снабжался продовольствием лучше многих других. Поэтому беженцы не только по направлениям и предписаниям органов власти, но и сами тянулись сюда. И к моменту возвращения выселенных горцев в 1958 году плотно заселили их дома и квартиры. Темпы же строительства нового жилья и переселения беженцев, а также предоставления жилья бывшим спецпереселенцам отставали от требуемых. На этой почве возникали трения и конфликты между возвращавшимися на малую родину горцами и бывшими беженцами – представителями разных национальностей. Горцы требовали немедленного выселения из своих домов пришельцев со стороны, а порой и насильно выгоняли их. Дело порой доходило до острых конфликтов и даже поножовщины, кровавых драм.

В сердцах многих людей, еще вчера радовавшихся Победе над гитлеровской Германией и первому мирному десятилетию, поселилась тревога за завтрашний день. Не случайно, чтобы снять напряжение, предприятия промышленности в Грозном стали активнее решать социальные вопросы, строить хозспособом и по методу «своими руками» жилье для заводчан. Партийные и советские органы на местах и в Центре поддержали эту инициативу и помогли финансами, льготным распределением заказов на стройматериалы, беспроцентными и позже списанными за счет госбюджета ссудами – для бывших спецпереселенцев. Постепенно острота жилищной проблемы уменьшалась.

Но переселились чеченцы и ингуши не в одночасье. Этот процесс растянулся на годы. И новые возвращенцы на Северный Кавказ вели себя по-разному. Некоторые просто нагло. Как будто русские и представители других национальностей, жившие и работавшие в Грозном в конце пятидесятых двадцатого века, были виноваты в ошибках Сталина и его окружения, силой заставивших горцев 23 февраля 1944 года фактически в течение суток покинуть свои дома. Но самое страшное – после переброски в товарных вагонах в тот же Казахстан спецпереселенцев нередко высаживали в голой степи, где не было ни поселений, ни жилья. Мол, выживай как хочешь. И такое трудно было забыть.

Обида на власти и боль утрат машинально перекладывались на русских и других инородцев, занявших дома и квартиры, в которых ранее жили горцы. Ведь десятки тысяч спецпереселенцев из-за суровых условий, в которые их поместили в Казахстане и Средней Азии, умерли от холода и голода, болезней, так и не дожив до счастливых и в то же время горьких дней возвращения на малую родину. Криминальные авторитеты и антисоветские секты сбивали многих возвращенцев с толку и разжигали межэтническую и межконфессиональную рознь. Чтобы «ловить свою добычу в мутной воде». Подбивали порой неосведомленных чеченцев и ингушей и на захват только что отстроенных своими руками коттеджей заводчан и строителей,

на которые у возвращавшихся из-за Каспия горцев вообще не было никаких прав. Кстати, не все представители русскоязычного населения города в эти годы могли воспользоваться и строительством коттеджей по методу «своими руками», при котором финансирование осуществлялось за счет промышленных предприятий. Многие вчерашние фронтовики, в том числе и однополчанин Витькиного отца дядя Володя Гончаров, на собственные средства приобретали так называемые «планы» – участки земли с проектной документацией – и возводили за свой же счет на них собственные, чаще всего, скромные дома из самана или кирпича. На этом фоне безвозмездные ссуды для бывших спецпереселенцев они расценивали как явную социальную и национальную несправедливость, проявленную к семьям вчерашних фронтовиков. Мол, мы на передовой кровь проливали, а горцы в тылу были. Те из них, кто успел убежать в лес и спрятаться от уполномоченных НКВД, организовались в многотысячные бандформирования. Во время своих вылазок били в спину подразделениям советских войск, убивали милиционеров и военных, советских и партийных работников на территории Северного Кавказа, особенно в горах. Практически каждый житель Грозного знал, что в Черных Горах в нескольких десятках километров от города находилось до 25 тысяч боевиков, в годы войны готовивших торжественную встречу Гитлеру. Даже белую бурку и белого красавца-коня держали для этого случая. И не сидели, сложа руки, воевали. На грозненском кладбище в братских могилах и по отдельности были похоронены десятки, если не сотни бойцов и офицеров Советской Армии, милиционеров, ставших жертвами рук бандитов. И горожане об этом помнили. Бывшие фронтовики – особенно.

Поэтому, когда криминализированные представители возвращенного на малую родину населения уже в мирное время по ночам стали нападать на работников промышленных предприятий, претендовать на их законное жилье, дело дошло до массовых протестов и выступления русскоязычной части города на центральной площади Ленина, справа от которой находился обком КПСС. И хотя народ, среди которого было много вчерашних фронтовиков и победителей, с помощью разных методов, в том числе и вызовов в КГБ, милицию, запугиваний и разъяснений постепенно утихомирили, напряжение в атмосфере Грозного осталось, а между русскоязычными горожанами и многими коренными жителями Кавказа словно черная кошка пробежала. В городе, особенно по вечерам и ночам, долгое время было не спокойно и не безопасно. Витькиного отца в ту пору по ночам не было дома – вместе с другими членами городского партийно-хозяйственного актива и комсомольцами дежурил в райкоме КПСС Заводского района, чтобы быть готовыми к любому ЧП или даже диверсии.

Витькина мать, родившаяся в Грозном, да и он сам, появившийся на свет здесь же, помнили и другие, спокойные годы, когда в городе было гораздо безопаснее. А молодые парочки на их улице в старой части Грозного, где они жили на Арсенальной, в квартире у матери и бабушки, гуляли от заката до рассвета. И если где-то кого-то порой останавливали на улице, избивали и грабили, то было это делом рук местных уроков. И не носило такого грозного, вселявшего страх в души, ярко выраженного этнического и частого характера.

От Витькиного дома до школы № 45, расположенной рядом с ГУТАЦем – Государственным учебно-тренировочным авиационным центром, было примерно с километр. Чтобы дойти до нее или обратно, нужно было пересечь железную и шоссейную дороги, пройти по небольшому лабиринту улиц с первыми финскими домиками, в которых жили нефтяники. И когда Витька пошел в первый класс, мать оставила работу, провожала и встречала его из школы. Строго следила за его режимом, занятиями и уличными прогулками. Но когда мальчик перешел в третий класс, видя его примерное и ответственное поведение, разрешила добираться до школы и обратно самостоятельно. Тем более, что школьников на их улице Ялтинской было немало, и они после уроков обычно собирались в небольшую стайку и направлялись домой вместе, чтобы по дороге на них не напали мальчишки из соседнего поселка, а также с верхних улиц их поселка Начало Катаямы, названного так в честь известного японского коммуниста. На

верхних улицах поселка, спускавшегося с возвышенности к Алханчуртской долине, за которой поднимались к небу синевато-фиолетовые горбы терского хребта, к тому времени уже выросло немало чеченских домов. С мальчишками, жившими там, Витька и ребята с его улицы были не прочь подружиться. Тем более, что учились в одной школе и даже в одних классах. И если на занятиях за партами, в спортивном зале все они словно забывали о своей национальной принадлежности, нередко дружили, то вот за стенами школы происходило нечто странное – как только чеченские мальчишки собирались в свою группу, в них словно шайтан вселялся. Похоже, действовал инстинкт стаи, совершенно отличной от ватаги русских ребят.

Чеченцы и ингуши, собравшись в большую группу, вдруг становились нарочито задиристыми и агрессивными, старались показать, что не русские, а именно они – дети горцев – здесь, в поселке и во всей Алханчуртской долине, на Кавказе настоящие хозяева. Конечно же, в них жила обида за то как несправедливо поступили с их отцами и матерями, стариками во время войны, на которой немало чеченцев и ингушей в первые три года Великой Отечественной проявили подлинный героизм и мужество, были награждены орденами и медалями. И рождалась эта обида в новом поколении не случайно. В семьях старики много и часто говорили в то время о пережитых ими невзгодах и бедах, унижении, вольно или невольно во всем обвиняли русских. «Вон, урусы даже старые наши дома позанимали во время войны, а нас в голую степь выселили..!»

Витькин отец во время войны был командиром взвода дивизионной разведки. У живших с ними через стенку братьев Скоркиных отец служил в десантных войсках. У Кольки Труфанова – Витькиного дружка в те годы, и у остальных его погодков практически все отцы были вчерашними фронтовиками. Воспитывали их в своем духе, с раннего детства обучали приемам рукопашного боя, боевого самбо, учили мужеству и стойкости, умению постоять за себя. Поэтому, когда случались стычки с чужаками, ребята с улицы Ялтинской да и с соседних улиц заводского поселка, в которых жили представители русскоязычной части населения, давали отпор и навешивали таких тумачков «духарикам», что у поначалу не в меру ретивых обидчиков надолго пропадало желание связываться с пацанами с нижних улиц поселка. Чаще их пытались застать врассплах и поодиночке, или когда значительно превосходили по численности в своей группе. Тогда стая чеченских «героев» со стадными боевыми кличами нападала на зазевавшегося и неосторожного мальчишку или парочку, тройку русских ребят и била их жестоко.

Вот и сегодня, когда группа русских ребят постепенно растаяла, а Витька и Колька Труфанов уже одни перешли железнодорожную линию и по протоптанной в снегу тропинке хотели направиться через пустырь, на котором строители начинали рыть котлованы для первых в поселке многоэтажных домов, их встретила стайка чеченских мальчишек-одногодков. Витька взглянул на своего друга и заметил, как тот слегка побледнел и напрягся, сжал зубы, уже готовый к сюрпризам враждебно поглядывавших в их сторону чеченских пацанов. Но отступить было стыдно и поздно. Да и не убежать же! – Отцы-фронтовики учили не дрейфить в такой ситуации. И Витька с Колькой смело двинулись в сторону стайки чеченцев, перегородивших им тропинку, подводившую к прокладывавшейся метрах в десяти оттуда новой поселковой дороге.

– Ну, что, попались, шайтаны! – Вызывающе громко и нарочито смело, как петух перед боем с ненавистными врагами, обратился к подходившим Витьке и Кольке забияка-чеченец их же возраста или годом постарше. – Сейчас мы вам по фонарю подвесим, чтобы стало светлее, а то погода пасмурная.

– Только попробуй! Сам получишь! – Смело и решительно ответил ему Колька. А Витька поставил на снег портфель и стал в стойку, как учил отец. Первого налетевшего на него он легко перекинул через бедро, тут же увернувшись от кулака второго обидчика, ловко, крючком врезал ему в челюсть. Но еще двое чеченцев забежали за спину и ударили его по затылку и по пояснице, затем осыпали шквалом новых ударов. Но Витька удержался на ногах и быстро

развернувшись, стал сам наносить удары своим обидчикам. Те отбежали в сторону и стали припугивать его своими ножичками. Однако приближаться к умело защищавшемуся русскому мальчишке не рискнули. Колька первого набросившегося на него так же легко отшвырнул в сторону, а второму ударил ногой в пах, отчего тот взвыл как жалкий щенок. Но третий расквасил Кольке нос. Витька бросился на защиту друга. От вида крови друзья разозлились не на шутку и, словно не они были в меньшинстве, стали применять приемы из боевого самбо и удары руками и ногами, которым их ранее обучили отцы. Чеченские мальчишки вначале подбадривали друг друга, но вскоре, не выдержав такого жесткого отпора со стороны русских ребят, бросились наутек.

Несмотря на несколько пинков в спину и по ногам, удары в лицо и голову, боль, Витька засунул два пальца в рот и пронзительно засвистел вслед удиравшим чеченцам.

– Зверьки, только еще суньтесь к нам, получите..! – Не обращая внимания на разбитый и сочившийся алой кровью нос, закричал Колька. А потом, умываясь снегом, набранным в ладони, довольно воскликнул: «Как мы их, Витек!».. А потом стал возмущаться и недоумевать:

– Вот гады, мы же им ничего плохого не сделали, за что они набросились на нас, почему так нас ненавидят?! Словно не люди, а шакалы. Только на тех, кто слабее их, нападают стаей.

– Сейчас за поддержкой, наверное, побегут. – Возмутился и предположил Витька. – Старших братьев позовут.

– Точно. Надо домой побыстрее возвращаться, а то приведут бугаев, побьют нас по-настоящему! – Согласился Колька. – Айда домой!

Но дом для Витьки в этот день не оказался спасительной крепостью. Увидев сына, вывалянного в снегу, с пятнами грязи от сырой земли на новеньком пальтишке, мать принялась его отчитывать. А когда проверила портфель, пока он раздевался в коридоре, и не обнаружила там новенького пенала, то разругалась всерьез и пошла в спальню за отцовским офицерским ремнем, который висел на гвозде за дверью, еще пахнувшей свежей голубой краской. Отец использовал его для шлифовки, «правил лезвие», как он говорил, трофейной бритвы фирмы «Зингер», которой ежедневно брился за столом у окна в комнате, где жили его дети – сын и младшая дочь. К тому же, похоже, ремень за дверью в детской отец повесил и для отстратки, чтобы Витька не забывал о неизбежности наказания, если посмеет натворить что-то из ряда вон выходящее. Все, что с ним сегодня произошло, по его мальчишечьим понятиям, на такое наказание не тянуло.

Поэтому при виде матери с ремнем в руках Витька остолбенел. Не столько от страха, сколько от обиды и унижения. Стоял в коридоре, как вкопанный, и тупо смотрел на доски пола, между которыми виднелись небольшие щели – торопились строить дома, толком не просушили сосновые доски, те в тепле малость сузились, вот и трещины появились. И Витьке в душе стало так больно и обидно, что он готов был в эту минуту превратиться в серую мышь, как в сказке про кота в сапогах, и проскользнуть через одну из этих щелей в полу. Но, увы, это было невозможно. Вернувшаяся из своей спальни с ремнем в руках мать, прикрикивая на сына, ловко замахнулась и полоснула ремнем по Витькиному плечу и спине. Отчего их словно огнем обожгло.

Витька попытался выхватить ремень из рук матери, но у него не получилось, физически она была крепкая и еще молодая, с крупными и сильными руками, надутыми и покрасневшими от минутного гнева щеками и перекошенным ртом, повторявшим одни и те же обидные слова: «Вот тебе, засранец! Вот тебе..!»

Не столько от боли, сколько от незаслуженной обиды – мать даже не выслушала его объяснение по поводу случившегося накануне и принялась ругать и стегать ремнем – Витька заревел и из глаз его ручьями побежали горькие мальчишечьи слезы.

Мать это не разжалобило. Словно войдя в раж, она стала хлестать Витьку по мягкому месту еще сильнее.

Тут уж Витька не выдержал и закричал на мать: «Ты хуже зверя, злая, злая и нехорошая, я тебя ненавижу!».

От этих слов мать опешила и словно окаменела. Перестала наносить удары ремнем. Витька воспользовался этим замешательством и рванулся к двери, в одной льняной сорочке и школьных брюках пулей вылетел во двор и затем, хлопнув калиткой, помчался по продувной, тормозившей его встречным восточным ветром улице. Южное лукавое солнце выглянуло из-за низко пролетавших над косогором свинцовых туч, и снег на дороге стал подтаивать, постепенно превращаясь под колесами проезжавших машин в коричневое месиво. Мальчик со всех ног пустился вдоль по Ялтинской в сторону поселка Ташкала, где был еще не застроенный пустырь и местные пацаны, играя в войну, выкопали землянки. В одной из них он хотел укрыться. Но, как оказалось, от прошедших накануне дождей и подтаявшего к полудню первого снега они были залиты мутной и к тому же ледяной в эту пору водой. Витька понял, что в землянке ему не укрыться. Побитый и униженный, он как загнанный в угол звереныш, оглядывался вокруг, ища убежища. Но ничего, кроме цементно-асбестовых светло-серых труб, сброшенных с грузовиков рядом с глубокой четырехметровой канавой будущего канализационного коллектора, не увидел. А когда оглянулся назад, заметил метрах в двухстах от этого места направляющуюся к нему быстрыми шагами мать.

Витька заполз в одну из лежавших среди кустов перекасти-поля и веников труб и замер. Пронзительный сквознячок дул через эту трубу и студил спину. Руки и ноги от холода немели. Витьке не хотелось больше жить и он готов был остаться в этой промерзшей трубе навсегда. Взволнованная, но уже более-менее успокоившаяся мать подошла к Витькиному убежищу. По Витькиным следам, оставленным на снежном покрывале пустыря, сделать это было не трудно. Витька вначале услышал тяжелые шаги и сопровождавший их хруст снега, а потом увидел в белом круге трубы на ее конце серьезное и расстроенное лицо мамы.

– Витя, сынок, замерзнешь там, заоченеешь, выбирайся наружу!

– Не вылезу, и жить с тобой не буду, ты злая и жестокая! – Выпалил он, как из пушки, из спасительной, как он представлял, трубы.

– Выбирайся, а то я сейчас строителей позову, они тебя из трубы живо достанут! – Пригрозила все еще чувствующая свою правоту и не оправдывавшаяся за свою жестокость перед сыном мать. – Вон подъемный кран как раз подъезжает, сейчас зацепят тросами эту трубу и вытряхнут тебя из нее. Давай вылась, быстро, а то хуже будет! – Закричала она в трубу, как в рупор. Витьке показалось, что от этого звука у него заложило уши. Но угроза не подействовала. Витька решил: лучше замерзну, а не вылезу, так ему было обидно и горько. Пинки и тумачи чеченских мальчишек теперь представлялись чепуховыми по сравнению с болями и обидами, полученными от родной матери. А ведь он так любил ее, и представить себе не мог, что она может быть вот такой чудовищно злой и жестокой.

– Витя, не дури, давай вылезай, схватишь воспаление легких, уколами потом заколят. – Уже тихо уговаривала мать.

– Ну и пусть! – Упорствовал Витька.

В это время к трубе подошли двое молодых строителей.

– Ребята, помогите! – Обратилась к ним Витькина мать. – Я вот сгоряча сына отхлестала ремнем, а он убежал и в эту трубу залез. Раздетый, в одной рубашке, замерзнет!.. – Запричитала она.

– Что же это Вы так, мамаша, он ведь все же какой-никакой а человек. Нельзя так! – С укоризной ответил первый голос. Самого строителя Витька не видел.

– А я сейчас мигом сам в трубу залезу и достану вашего бродягу. – Раздался более молодой и звонкий, с оттенком веселости в словах, голос другого молодого человека.

И через несколько секунд Витька в конце трубы увидел его улыбающееся лицо:

– Что, пострел, испугался, забрался в трубу, как суслик, дрожишь? Давай выбирайся оттуда, война закончена. Мир! мамка тебя больше не обидит. Да на мать и грех обижаться! Она же добра тебе желает. Эх, если б кто мою мать с того света вернул, я бы согласился, чтоб она меня каждый день ремнем отхаживала! Ей Богу! А то ведь в бомбежку Богу душу отдала... И никого у меня из родных на этом свете не осталось!.. – С неподдельной болью произнес молодой парень. – А ты тут из-за ерунды обиды строишь! Выползай из своей норы!

После недолгих уговоров Витька ползком, обдирая локти и дрожа от холода, вылез из своего убежища. От его жалкого вида строители по-доброму и сочувственно переглянулись и обратились к матери.

– Может к нам в вагончик его для начала, пусть отогреется?!

– Да нет, спасибо, мы здесь рядом живем, сами справимся! – Возразила мать и сняла с себя фуфайку, укутала в нее Витьку, а сама осталась в одной шерстяной кофте и юбке.

Они направились к дому. Случайные прохожие многозначительно поглядывали на них. Кое-кто – с осуждением и причитаниями типа: «Ах, беда, эти дети»!

Мать всю дорогу домой молчала. О чем она думала, Витька не знал, но от такого сопровождения и взглядов прохожих ему было не по себе. Дрожь в теле не проходила и он, когда пришел домой, не мог вымолвить ни слова.

Мать первым делом раздела его, нагрела горячей воды и искупала в ванной. А потом напоила чаем с малиной и уложила в теплую постель. От пережитых треволнений Витька быстро уснул. Во сне он увидел сон про прошлые весну и лето, когда вместе с другими мальчишками ходил собирать цветы для мамы за гору, на которой поднимались чеченские дома. С опаской русские мальчишки проходили мимо них.

Подснежники и толкачики, дикие гиацинты и позже петушки – ирисы, левкой они собирали на косогорах Сунженского хребта и охепками приносили матерям, рискуя быть застигнутыми за окраиной поселка и побитыми чеченскими ребятами. Ведь они переходили через условно обозначенную для русских пацанов границу по улице Энтузиастов, выше которой располагались дома, возведенные и возводившиеся чеченцами. В старой части города, где они жили раньше вместе с бабушкой и прабабушкой, мальчишки с разных улиц тоже враждовали между собой. Причем чеченцев среди них было мало. Русские, татары, армяне, евреи, китайцы, корейцы по численности там значительно превосходили чеченцев и ингушей. Основную часть детского населения в пятидесятые годы двадцатого века составляли русские и армяне. Та детская вражда была не настоящей. В нее больше играли, как в войнушку или в казаков-разбойников. Ловили пацанов и девчонок с чужих улиц, «арестовывали», допрашивали, требовали назвать пароль, которым они пользовались, а иногда и поколачивали, заставляли спичками измерять их улицу. Чужака принуждали стать на колени, давали в руки ему спичку и приказывали: «Начинай, измеряй!»...

Витька в роли пойманного и захваченного в плен ни разу не был. И дружил он с чеченцем Абу Насухановым, жившим в их дворе. О национальной принадлежности друг друга пацаны в старой, центральной части города даже не задумывались. Главным для них было иное – чтобы друг был честным и верным, никогда не предавал, не боялся заступиться за своего приятеля, когда нападали чужаки, не взирая на их национальность, и не был жадным. Но постепенно все менялось. И на территории поселка, куда переехала Витькина семья, действовали уже иные правила. Чаще здесь пацаны враждовали между собой, сбитые в стаи по этническому признаку. И шло это от чеченцев и ингушей, которых на окраинах города, в его поселках, было значительно больше, чем в центре Грозного.

Поэтому, когда русские мальчишки без разрешения старших отправлялись за цветами за гору, матери всегда тревожились. Но в то же время радостно и настороженно встречали своих сорванцов с охепками в руках в домах на Ялтинской. Некоторые журили, за то что ребята так далеко и в небезопасные места ходили одни. Другие гордились, что ребята растут смелыми

и заботливыми, стремятся доставить радость матерям, принести в дом незабываемый аромат весны и лета.

Когда Витька проснулся, то увидел как сходящая в школу, пока он спал, мать сидит на диване и молча рассматривает красочно расписанный пенал. Никто, как оказалось, его не забрал и не присвоил. Когда она во время очередной перемены вошла в класс и проверила парту, за которой в первую смену занимался ее сын, то нашла там целехонький, мирно дремавший пенал, забытый Витькой. И то ли от его прекрасного вида, то ли от всего, что произошло накануне, ей стало неловко. Впрочем, о чем думала и что переживала его мать в эту минуту, Витька не знал. Он снова зажмурил глаза от яркого солнечного света, падавшего золотым потоком с южной стороны уже совершенно голубого неба в окно его комнаты и по привычке чихнул. Так как лучи света, проходя через стекла, как бы превращались на золотые метелочки, щеко-тали нос. На мгновение ему стало приятно и хорошо. Но эту идиллию тут же оборвала мать:

– Ну, вот. Я же говорила, что простудишься и заболеешь. Нужно на ночь аспирин выпить, и еще чаю с малиной, чтоб прогнать хворь.

Очнувшись от своих раздумий, мать положила пенал на маленький серый столик для детских занятий, который своими руками смастерил отец из гладко обструганных сосновых досок, и пошла готовить ужин.

Когда уже затемно Витькин отец вернулся с работы, мать с сыном молча пили чай, и никто ему и словом не обмолвился о том, что произошло в их доме накануне. Но отец, заметив лежавший на диване ремень, понял, что произошло не ладное. Но углубляться в эту тему не стал, а только как бы невзначай спросил:

– Мать, а почему мой ремень не на своем месте? Непорядок!

Затем взял его и, сделав несколько шагов, повесил за дверь на гвоздь в детской комнате.

И только когда мать с отцом удалились к себе в спальню, Витька услышал приглушенные вопросы отца, интересовавшегося происшедшим накануне, и еле слышные, сдавленные всхли-пывания матери, которой было стыдно рассказать мужу правду.

– Да напроказил сынок, подрался с мальчишками, вон, все пальто выделал, еле отчистила, вот и задала трепку! – Слукавила она.

Но Витька почему-то был благодарен ей за это вранье, ему не хотелось лишней раз рас-страивать часто болевшего после двух контузий на фронте и усталого после работы отца, при-носившего с собой запахи завода и табака, всего такого запомнившиеся ему на всю оставшу-юся жизнь.

– Ты наказывай, но любя! – Укорил супругу отец. – А то вон у него красные полосы на плечах и спине. Так мало чего добьешься. До сознания нужно доходить, до сердца.

– Ладно уж, учитель, здесь тебе не твой партком, сами как-нибудь разберемся. Ложись спать! – Еле слышно для Витьки произнесла мать и щелкнула выключателем. Напряженно вслушивавшийся в каждый звук Витька от этого щелчка вздрогнул и долго потом не мог уснуть, лежа в темноте на кровати с широко открытыми глазами, снова наполнившимися теплыми, но уже не горькими слезами, ворочался, часто переворачиваясь с боку на бок. Плечи и спина все еще горели от побоев.

Через некоторое время Витька все же уснул и ему приснился кошмарный сон. Как будто он превратился в беззащитного маленького серого мышонка над которым кружили злые Жар-птицы в золотом и ярко-алом оперении, взлетевшие с крышки его пенала и выросшие до огром-ных размеров. Сам пенал в это же мгновение тоже во много раз вырос и вспыхнул похожими по цвету на длинные хвосты Жар-птиц языками пламени. Они наполняли Витькину комнату, тоже выросшую до размеров огромного помещения, и постепенно приближались к нему, обжигая его лицо, руки и спину.

Витьке стало страшно от сознания, что вскоре он сгорит в этом фантастическом и страш-ном огне. И от страха его всего словно сковало, он не мог произнести ни звука.

Но через какие-то мгновения мальчик очнулся. Это мать растормошила его и вывела из забытья. Рядом с ней стоял отец с напряженным и встревоженным лицом. Он наклонился к сыну, притронулся своей шершавой ладонью ко лбу Витьки, и тут же произнес чуть взволнованно: «Мать, да у него жар!» Нужно срочно амидопирину дать, чтоб сбить температуру. Да и вызвать неотложку надо, без врача не обойдемся!.

– Ты думаешь он что-то другое назначит! Я сейчас лучше водочный компресс сделаю, сразу жар снимет. – Не согласилась с отцом и принялась хлопотать рядом с сыном мать. – Ты иди, ложись, завтра рано вставать на работу. Я тут сама управлюсь.

Отец вышел из детской, а мать достала из шкафа фланелевую пеленку розового цвета, в которую когда-то заворачивала своего грудного младенца. Намочила ее водкой и, сняв с Витьки взмокшую от пота майку, обернула его грудь и спину самодельным компрессом.

– Ой, какой холодный! – Закапризничал Витька.

– Ничего, сейчас согреется и тебя согреет, жар с тела снимет! На-ка, вот, еще таблетку выпей! – погладив сына по взмокшему от пота лбу, протянула к его лицу руку с лекарством мать.

Витька проглотил таблетку амидопирин, запил ее теплой и противной водой из кружки и снова откинулся на большой пуховой подушке. Через полчаса он почувствовал облегчение – жар спал – и мальчик уснул. А мать почти до утра просидела у постели сына, изредка прикасаясь нежной ладонью к его лбу и проверяя – не подскочила ли снова температура. Витьке от ее прикосновений и близости становилось все легче и легче. И, как ни странно, больше ничего не снилось. Он заснул здоровым и крепким сном, забыв о простуде и всех своих обидах.

Чужой Рассказ

В Сибирь Славка приехал с отцом после того, как мать ушла к другому – богатому мужчине – завскладом какого-то совхоза-миллионера. Впрочем, не женившемуся на ней, а жившему в основном ради утех, хотя, наверное, по-своему и любившему ее. Своих пятеро детей-птенцов, старшему из которых было только одиннадцать лет, он бросать не хотел. Но и его растолстевшая курица с отвисшим животом, как он называл свою супругу, больше не устраивала. Полюбил и хватит. Хотя, возможно, он ее и вообще никогда не любил. В то время на Северном Кавказе у горцев родители сына сами подбирали ему в невесты девушку из подходящего для них рода. Чтобы и приданное у нее было приличное, соответствующее их статусу и статусу рода, выдававшего за их сына свою дочь, да и чтобы фамилия родственников не несла на себе печати позора. А, кроме того, смотрели, чтобы в том роду не было "кровников", которым нужно было мстить за ранее пролитую кровь, или ждать от них мести. Что касается Ахмета, то его родители, прежде всего "заглядывали в кубышку", как называли тогда семейное состояние или "казну", своих знакомых и друзей. Их дочка уже по давнему уговору и расчету двух глав семей должна была выйти замуж за Ахмета. Тот с молодости активно занимался спортом, много ездил по Советскому Союзу, выступал на различных соревнованиях борцов-вольников. И эти поездки, пребывание на сборах и турнирах вдалеке от родного дома без строгого присмотра отца и старших братьев его разбаловали. Особенно – общение с девицами легкого поведения в свободное от занятий спортом и выступлений время. На непьющих, спортивных, к тому же, денежных ребят с Кавказа они смотрели с завистью, готовы были повеситься на них, как тряпки на заборе. Ахмету больше всего нравились романтические и влюбчивые, как правило, нежные и покорные русские блондинки. Но иногда он влюблялся и в шатенок. А когда попал в больницу с приступом острого аппендицита, и впервые увидел ухаживавшую за ним после операции красавицу-шатенку – медсестру – мать Славки, – то словно вспыхнул изнутри. Загорелся так, что его безумный огонь потом не могли потушить ни годы, ни старики-родственники, вызвавшие его на свой суд ("кхел") и вначале уговаривавшие выбросить из головы всякую дурь и продолжать жить в семье, заботиться о детях и супруге, а во второй раз пригрозившие ему громадным денежным штрафом. В случае ослушания они готовы были пойти и на более суровое наказание. Не помогло. Азартного и привыкшего к риску Ахмета это только подогрело. Как не помогли слезы собственной жены и детей, стоявших на стороне матери и видевших, что отец всех их обманывает и предает. Старший из них – Магомет – даже поклялся матери в том, что когда вырастет, зарежет отца собственной рукой. За что та сильно отругала сына и даже отшлепала его по щекам, чтобы не держал таких глупостей в голове. Сказала ему, что грех – поднимать руку на родного отца, который родил его и кормит. И вообще мал он еще, чтобы судить об их отношениях с отцом, она сама во всем разберется. Не в первый раз – "погуляет – кобель – и вернется к родному очагу ранылизывать". Но пагубная страсть не давала Ахмету покоя. Притих на время, а потом с матерью Славки у них все началось по новой – не стеснялся даже вместе с нею разъезжать на собственной "шестерке", появляться в ресторанах, где его видели знакомые и односельчане. Опозоренная Лейла (так звали жену Ахмета) однажды не выдержала и привела свой выводок прямо на порог городской квартиры, где жила ее соперница-обидчица. Когда та вышла на звонок и стук в дверь, Лейла втолкнула в прихожую одного за другим детей с несчастными и испуганными лицами и, подняв руки к потолку и небу, вначале запричитала на чеченском языке что-то типа "Ради Аллаха Милосердного! Не забирай отца у детей!" и так далее. А когда увидела, что ее соперница не внимает ни одному слову и только высокомерно обмеривает ее насмешливым взглядом, словно сравнивая убоже-

ство другой со своим совершенством, то закричала на весь подъезд благим матом. А в конце прибавила: "Не хочешь отступить, тогда бери моих детей и воспитывай сама. По нашему обычаю отец должен всех детей с собой забрать, раз он мне развод дает и меня от себя гонит"!

Мать Славки остолбенела, соседи, появившиеся из соседних квартир, стали свидетелями ее большого, по тем местам, позора. Женщины и старухи принялись стыдить ее, просили одуматься, ведь у самой двое сыновей – какое пятно она накладывает на них и на мужа – известного в республике человека, уважаемого к ним и уважаемого ими!

Двенадцатилетний Славка, ставший свидетелем этой сцены, тогда сразу же занял сторону отца и, когда незнакомая ему разъяренная чеченка с детьми ушла, разругался с матерью и сказал в ее адрес такие обидные слова, что и та не выдержала, отвесила Славке горячую оплеуху, которую он помнил долго. Но не столько физическая боль, сколько незаслуженная обида за свою семью и отца, обожгли ему сердце. Он готов был ревмя зареветь, но по-мужски стиснул зубы, так, что побледнели едва наметившиеся желваки, и почти процедил страшные слова: "Если увижу тебя с чужим, убью"! У матери от этих слов подкосились ноги, но она тоже была человеком не из робкого десятка – по крови – терская казачка с железным сердцем. Собрала одежду в спортивную сумку и сказала, что поживет пока у бабушки, пусть отец ее не разыскивает.

Для Славкиного отца, постоянно мотавшегося по командировкам, чтобы заработать для семьи побольше денег, все происшедшее в его отсутствие было, как снег на голову. Впрочем, он уже заметил изменения в поведении своей супруги и однажды даже поскаandalил с ней после того, как она соврала ему о том, что он видел и слышал собственными глазами. Как-то поутру в субботу, когда он был выходной и сидел за печатной машинкой "Мрия" в спальне-кабинете – самой дальней комнате, писал рассказ, кто-то настойчиво постучал в дверь, хотя у них был электрический звонок. Ему хотелось закончить интересную мысль, дописать предложение, поэтому он сразу не оторвался от работы. Открыть дверь в "прихожку" вышла поднявшаяся с дивана в гостиной жена. На пороге, как он понял по голосу, появилась взволнованная сотрудница его супруги – Лена.

– Что случилось? – недовольно спросила ее Августина – мать Славки, отсыпавшаяся после "суток", проведенных в железнодорожной больнице.

– Пропали мы, худо дело! – В панике запричитала Лена.

– Да что ты несешь? Говори толком, что случилось!

– Татевосян (заведующий хирургическим отделением) и какой-то мужик из органов провели проверку нашего поста и обнаружили недостачу пяти ампул ...

– Чего – пяти ампул? – Вначале повысила голос, а потом перешла почти на шепот Августина.

– Да морфия и других болеутоляющих наркотиков. – Почти заскулила, как жалкая и доведенная до отчаяния собачонка, Лена.

– А куда же они подевались? – спросила Августина.

– Как куда, ты что, забыла? Одну ампулу мы с тобой вместе на прошлой неделе наркоманам продали, а другие, ой, грех какой, – они меня заставили потом им отдать, сильно напугали, сказали, что зарежут. Что мне было делать? Детей сиротами оставить? Я тебя обманула, когда пост сдавала, сказала, что их использовали, помогая больным, и попросила тебя списать эти ампулы по листам назначения, к которым сделала незаметные приписки. А они это сегодня, похоже, установили. Не нашим почерком, говорят, написаны некоторые назначения, да еще для применения морфия...

– И ты сразу раскисла, крылья опустила, как мокрая курица! Да пошли они все! Пусть только сунутся еще раз, я знаю к кому обратиться, чтобы им духу поубавили.

– Кто – все? К кому обратиться? – Сразу не поняла Лена.

– Да и наркоманы твои, и начальники наши. С первыми понятно – идиоты, выжившие из ума. А эти-то чего от нас хотят? У них, что – доказательства есть насчет того, что мы с тобой виноваты в пропаже наркотиков?

– Доказательства, не доказательства, а недоверие к нам сразу появилось. Потому, что после тебя, когда мы ампулу продали, я на дежурство заступила, у тебя под подпись в журнале приняла медикаменты с недостатчей. Так я им и сказала, напугали они меня тюрьмой.

– А при чем здесь я? Там что, моей рукой приписки сделаны? – Возмутилась Августина. – Ну и дура, ну и гадина! Думаешь, подставила, все на меня свалить хочешь? Ведь это же ты меня просила выручить с одной, заметь, ампулой. Выручила себе на голову! И еще не постыдилась ко мне домой вот с этими бессовестными глазами заявиться.

– У меня бессовестные глаза! А про свои грехи не помнишь? Хочешь, я твоему мужу про твои шашни с Ахметом расскажу!..

– Заткнись! – Зашипела и стала выталкивать непрошенную гостью за порог Августина.

Славка сразу понял, о ком идет речь. Он летом отдыхал в пионерском лагере, где мать временно работала медсестрой, и знал завхоза совхоза, который снабжал пионерский лагерь продуктами, видел его рядом с матерью, которая представила его сыну на пикнике, как своего хорошего знакомого и друга. Правда, при этом почему-то взяла с сына слово, что отцу он об Ахмете ничего не расскажет. Мол, ты же его знаешь – еще приревнует, станет допытываться – что да как, кто такой Ахмет, начнутся неприятности. Так что лучше сохранить все в тайне.

– А почему, если он твой друг, не понял тогда Слава, то это нужно скрывать от папы? Кто тебе ближе – он или этот Ахмет? – Как-то не по-детски серьезно спросил тогда мальчик. И после долго и много думал над тем, почему взрослые порой так странно и не честно ведут себя друг с другом. Живут под одной крышей, в одной семье и так легко идут на обман. Но свое слово он сдержал – по приезду домой мать не выдал. И вот теперь после всего увиденного и услышанного чувствовал себя перед отцом виноватым. Мать явно обманывала и предавала его.

Отец Славки от услышанного (дверь в соседнюю комнату была открыта) буквально остолбенел. А потом почувствовал, что его переполняют негодование и боль, достающие до самого сердца.

Он встал из-за письменного стола и прошел в соседнюю комнату. Вытолкав за двери свою подружку и вернувшись в гостиную Августина, хотя и явно расстроенная, сделала недоуменный вид и спросила: "Что это с тобой? Ты, отчего весь так побледнел"?

Славка сидел на кухне и слышал весь этот разговор.

– Со мной? – Переспросил сухим голосом отец. – Это я хочу знать, кто приходил, и что случилось с тобой? Что все это значит?

– О чем ты? – Сделала вид, что не понимает Августина.

– О наркотиках! – повысил голос отец. – Я все слышал.

– Да тебе померещилось. Перетрудился, наверное, все пишешь и пишешь без отдыха, ну разве так можно!

– Ты что, меня за глупого принимаешь, неужели я уже должен не верить собственным ушам? – Возмутился отец.

– Да что ты ко мне пристал? Какие наркотики? О чем это ты?

– О пропаже в больнице. Может, мне сходить туда сейчас и самому удостовериться в том, что это правда, и ты к этому имеешь какое-то отношение?

– Ты, Декабрь, вообще с ума спятил? Ни о чем таком мы даже не разговаривали. Ленка за рецептом пирога ко мне зашла на минутку, вот и все. – Слава, ты посмотри, обратилась она к сидевшему на кухне сыну, у нашего отца от вчерашней выпивки, похоже, глюки пошли.

Славка понимал, что это не так, и никак не откликнулся на слова матери, молча и насупившись, сидел за кухонным столом, и, глядя с третьего этажа в окно, за которым зеленели раскидистые тополя, и клены воинской части, голубое, с прядями перистых облаков, небо,

рисовал пейзаж. Он был одаренным мальчиком. Отец, сам в детстве занимавшийся в изостудии городского Дворца пионеров у ставшего потом широко известным в стране художником Виталия Рыбакова, рано приобщил его к живописи и помогал ему своими советами. Будучи поэтом и писателем, подсказывал, как в капле воды или в обычном кленовом листке, просвеченном ярким солнцем, можно увидеть целый мир, живущий по своим, чаще всего не известным людям, законам. Славка с удовольствием погружался в него и иногда, словно растворялся в нем, любуясь прекрасными видами небольшого парка, поднимавшимися за ним и хорошо видными в ясную погоду белоснежными вершинами и пиками Большого Кавказского хребта, близкими предгорьями, поросшими фиолетовым кустарником и деревьями. В такие минуты он вспоминал про кавказские рисунки Михаила Лермонтова и гималайские полотна Николая Рериха с их неповторимым космосом и философией, впитанной от самой природы. Ему тоже хотелось стать таким же известным и хорошим художником. Но теперь над всем этим, похоже, словно черная туча, нависла настоящая угроза. Спокойная и размеренная жизнь могла круто измениться.

– А чем она тебе грозила, про какие – такие грехи намекала? – Стал допытываться отец у матери. И почти каждое слово их ссоры задевало мальчишку за живое.

– Да что ты от меня хочешь? Я говорю, что тебе все послышалось! – Перешла на уже повышенный тон и мать Славки. А потом пустила слезы и стала театрально изображать большую обиду: "Да как так можно не доверять любимому человеку, с которым прожил больше десятка лет! За что ты меня обижаешь? Почему обо мне так плохо думаешь"?

– Да потому, что ты дала повод. Маленькая ложь рождает большие подозрения. А ты мне лжешь прямо в лицо!.. Ну, шекспировский сюжет и только. Вся жизнь театр, и люди в нем – актеры!

– Да не лгу я тебе, не лгу, чем хочешь, поклянусь! – Закричала, уже выходя из себя, мать.

Славка буквально вбежал в комнату, подумав, что отец сейчас сможет прийти в ярость и не сдержаться. Он подскочил к выясняющим отношения родителям и встал между ними. Потом повернулся к матери и в свою очередь, прямо глядя ей в глаза, сказал: "Ты обманщица и лгунья, папа правильно говорит. Я больше не хочу с тобой жить под одной крышей, ты нас предала"!

– Да как вы смеете! – Не сдавалась и не признавалась в неправде мать. – Вы еще пожалеете об этом!.. Не хотите со мной жить, и не надо. Вот уйду, тогда вспомните.

Отец тогда с какой-то глубокой печалью и болью взглянул на сына, махнул рукой, поняв бессмысленность такого разговора и, резко повернувшись, прошел к себе в комнату, снова сел за письменный стол. Но ему в тот день больше не писалось... Славка понял, что мать расстроила отца в конец, и между ними образовалась пропасть, которая со временем могла привести к полному разрыву. В его собственной душе тоже стало как-то не по себе, словно появилась какая-то трещинка.

Впрочем, как он уже понимал, все это было, как бы предопределено тем, что мать и отец, симпатичные, даже красивые люди, очень видная пара, как о них говорили старшие – знакомые и родственники их семьи, – были совершенно разными людьми. Он – известный в республике журналист и писатель, вечно занятый какими-то большими проблемами, погруженный в творчество. И она – простая медсестра – крепко сбитая красавица, которой хотелось постоянного внимания мужа или других мужчин, денег и развлечений, жившая совсем другими интересами и в другом, лишенном иллюзий и какой бы то ни было духовности мире. А в этом мире она видела четырнадцатилетних девочек-школьниц с бриллиантовыми кольцами и перстеньками на пальцах и серьгами в ушах, родители которых, хотя и занимались незаконными сделками и спекулировали на рынках или по-крупному воровали у государства, но были состоятельны, имели крутые особняки и шикарные авто. О чем ей, несмотря на вечные больничные хлопоты и на упорную работу мужа, пока приходилось только мечтать. В то же время от соблазна с лег-

костью необыкновенной получить такие же украшения и дорогие вещи (только угоди какому-нибудь заглядевшемуся на тебя богатому мужчине) у нее кружилась голова. Казалось, сделай шаг, протяни руку – и у тебя будут такие же массивные золотые серьги с бриллиантами, колье, перстни, платья из парчи и так далее. Не случайно же, когда она сблизилась с Ахметом, делавшим ей дорогие подарки, то как-то в раздражении проговорила Славке насчет своего знакомого: «Это весьма состоятельный и уважаемый человек, не чета твоему отцу».

– Мой папа талантливый и честный человек, а этот – какой-то завсклад вонючий, пропахший селедкой! – с обидой заступился тогда сын за отца.

– Да, вонючий завскладом, но он, заметь, кроме селедки, пахнет еще и большими деньгами. А твой отец, сколько ни пашет, больше трех сотен в месяц не зарабатывает. У Ахмета такие навары за день получают.

– Славка тогда не стал дальше слушать рассуждения матери и, схватив футбольный мяч, стремглав вылетел из квартиры, побежал играть на поляну с ребятами, дожидавшимися его. Но эти слова матери он запомнил надолго. Последней каплей его терпения и терпения отца стало то, что ушедшая от них мать уже через пару месяцев даже не скрывала своих отношений с другим мужчиной. Как-то прямо у них на глазах села к нему в машину, словно не обратив внимания на сына и брошенного мужа. От такого безразличия у Славки сильно сжалось и затем гулко забило сердце. Отец, как он видел, побледнел от негодования и подошел к "Жигуленку", за стеклом которого виднелось отвернувшееся от них и улыбающееся Ахмету лицо еще не разведенной по суду супруги. Хотел открыть дверцу. Но, видимо, испуганный от такой неожиданности Ахмет нажал на "газ" и машина, взревев мотором, резко тронулась с места, помчалась по подъезду к шоссе Баку – Ростов-на-Дону. Отец и сын сделали последнюю попытку образумить жену и мать, сходили к бабушке, где та жила после размолвки. Но все оказалось напрасным. За год мать ни разу не зашла к Славке. И он на нее затаил в своей душе большую обиду. Отец поначалу стал частенько прикладываться к бутылке. А потом взялся за ум и решил, чтобы не изводить себя и сына даже случайными встречами с супругой, развестись с ней и переехать в другой город. Куда-нибудь подальше, чтобы больше никогда не видеть Августину, принесшую ему столько боли и страданий. Даже больше того – фактически обворовавшую и оболгавшую его. Забрала все накопленные отцом сбережения. Отец в последнее время перед разводом зарабатывал и подрабатывал неплохо, хотел купить себе "Жигули". Вообще у него были возможности сразу и много "заработать". Взятки за "компромат" на своих конкурентов или после его журналистских расследований отцу иногда приносили целыми кейсами. Но он взятки не брал, подрабатывал с другом – фотокором республиканской газеты на оформлении наглядной агитации для промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Иногда у него в месяц выходило больше двух тысяч рублей. Что по тем временам было немало. Директора заводов, если не воровали, зарабатывали меньше. Такие деньги тогда можно было заработать только где-нибудь на севере или за границей. Славка это знал. Как знал и то, что однажды отцу при содействии матери, как выяснилось позже, пытались подбросить в квартиру кейс с крупной денежной суммой, чтобы скомпрометировать его. К тому же мать заставили написать в обком партии незаслуженную клевету на отца, от которой он долго не мог отмыться. А когда и это не помогло, стали преследовать и шантажировать, пытались запугать. Вот они и решили уехать в Сибирь, куда отца приглашали на работу в одну из газет. Квартиру и мебель, практически все оставили в родном городе Августине и младшему пятилетнему брату Славки, который по суду остался с матерью. Заниматься дележом квартиры и имущества отец не стал, хотя приближались совсем другие времена, и получить новое жилье по очереди в горисполкоме или райисполкоме становилось все проблематичнее. А для покупки квартиры или дома денег у них уже не было. Августина, у которой оставался ключ от их городской квартиры, как-то незаметно нагрянула туда и подчистила все по "сусекам", после чего все отцовские сбережения припрятала в доме у своей матери. И после сделала вид, что ничего об этом не знает, на квартиру к

мужу не навевалась. Короче говоря, самая, что ни на есть, пакость и подлость с ее стороны вышли. И все же, уезжая, отец с сыном навели в доме, куда больше никогда не возвратились, идеальный порядок, по привычке забили холодильник продуктами. Славка, чтобы усовестить мать, даже выжарил и выдраил добела все сковороды. Они стали, как новенькие. При матери скерб такой чистотой никогда не блистал. С собой они взяли только одежду, книги да памятный для отца ковер, выделенный ему по очереди в его редакции, когда он работал на Мангышлаке.

По приезду в марте 1985 года в сибирский шахтерский город в Кемеровской области Славка с отцом жили вначале с месяц в гостинице, а потом, поиздержавшись, перешли в общежитие, где им по ходатайству редактора газеты выделили отдельную комнату. Обещанной в вызове-приглашении по прибытию отдельной квартиры, как нередко в ту пору водилось в таких случаях, не оказалось. Пришлось довольствоваться тем, что было. К счастью, соседи по общежитию Декабrevым попались хорошие. Молодой горный мастер Миша, незадолго до них приехавший сюда по распределению после окончания института в Свердловске, и опытный, но одинокий и интеллигентный маркшейдер шахты "Таежная", с которыми они жили дружно и в полном согласии. Маркшейдер Владимир Федорович быстро сошелся с отцом Славки, и они даже вместе готовили обеды, а когда отец и в выходные был занят срочной работой, то занимался с мальчиком своего нового знакомого, рассказывал ему о шахтерской жизни, тайге и Сибири, откуда он был родом. Вообще он родился неподалеку в Томской области, на берегу Оби, в небольшом городке Асино, был большим любителем природы, а вот охотой и рыбалкой не увлекался. Предпочитал им "тихую охоту" – хождение по грибы, которых в тайге было много. Позже, когда отец Славы уже проработал в новой редакции несколько месяцев и подошел дождливый, с небольшими солнечными проглядами, август, они вместе ходили в тайгу, близко подступившую к городу. Во время одного из таких походов под сенью старых елей, сквозь густые и разлапистые ветви которых едва пробивались солнечные лучи, и было не по дневному сумеречно, Славка нашел белый гриб – шампиньон, весом килограмма в полтора. У него была шляпка, сравнимая с каким-то диковинным женским беретом. Рядом росло еще несколько крупных, но в то же время молодых, не червивых еще, грибов. От такого улова Славка пришел в неопиcуемый восторг и радостно закричал на всю тайгу, благодаря ее за посланную удачу. Отец и Владимир Федорович, сбросив рюкзаки с плеч для короткого привала, улыбались, как дети. Славкино восторженное настроение перешло и к ним. На душе было свободно и легко. Хвойный лес и тайга вообще благотворно действовали на человеческую психику, успокаивали их, наполняли легкие и кровь живым кислородом и здоровьем. Два взрослых приятеля и мальчик с удовольствием совершали такие прогулки, отдыхая от напряженных и нервных трудовых недель. Условия труда на шахтах к тому времени требовали принятия срочных мер. Прежде всего – по улучшению крепления забоев и штреков. Да и вентиляция на этом и ряде других объектов нуждалась в техническом совершенствовании. Ведь пробы воздуха в шахте нередко показывали повышенную загазованность, появление метана на отдельных участках, сильную запыленность забоев. А угольная пыль вкупе с природным газом – ничто иное, как гремучая смесь, по взрывной силе сравнимая с мощной бомбой. Не дай Бог, кто из рабочих нарушит технику безопасности, не выдержит, прикурит припрятанную под комбинезоном сигарету, и пиши пропало – взрыв обеспечен. Об этом Владимир Федорович рассказывал отцу Славки, об этом, после посещения одной из шахт и изучения ситуации на месте, написал Декабrev. В итоге и на того, и на другого, как говорили тогда "покатили бочки", стали доставать под разным предлогом. Мол, ни фиги не смыслят в вопросах экономики и безопасности на производстве, а лезут не в свое дело – начальству спокойно жить мешают. Но когда на "Физкультурной" произошел взрыв, от которого пострадало 38 человек, многие погибли, такие реплики и выпады в адрес отца и дяди Володи исчезли как бы сами по себе. Ведь на "Таежной" и других шахтах, расположенных вокруг города, были схожие проблемы. К тому же на шахте, где работал дядя Володя, началось следствие по делу о крупных хищениях камен-

ного угля, один из сортов которого – антрацит – был особенно ценен, так как использовался в металлургии для выплавки чугуна из руды. Славка, перешедший из шестого в седьмой класс, по учебникам этого еще не знал. А вот из рассказов дяди Володи уже хорошо представлял себе как ценен добываемый тем с глубины в несколько сотен метров под землей уголек, с помощью которого не только выплавляли металл в домнах, но и отапливали жилые дома во многих городах страны. Вообще он рано тогда узнал немало такого, что значительно расширило его представления о жизни и взрослых людях. Дядя Володя утвердил его в мысли, что отец у Славы – хороший человек. И это для мальчика было, как бальзам на душу. Вообще все у него в сибирском городе складывалось неплохо. Отец сразу по приезду определил его в школу, отвел в зимний бассейн и устроил в секцию по спортивному плаванию, летом приобрел путевку в пионерский лагерь, находившийся в сосновом бору на берегу красавицы реки Яи. Неподалеку от Красного Яра – малой родины русского поэта Василия Федорова. Там была такая красотища, что аж дух захватывало. Что-то наподобие малой сибирской Швейцарии. Яя, меняя направления течения, то бурлила на перекатах под невысокими холмами, поросшими корабельными соснами, подпиравшими небо, то вырывалась на простор широкой долины с неповторимой зеленой фантазией привольного луга и задумчивых листовенных деревьев – верб и ив, осин, ольхи и лозняка. Эти деревья гармонично дополняли друг друга и отражались, тонули в гладких водах красавицы-реки тонкими акварелями. Здесь было столько поэзии и чистоты, что даже грубая душа не выдерживала и, впитывая ее, невольно начинала петь. А в унисон этому пению где-то неподалеку выводил свои колеса виртуоз соловей, чуть поодаль куковала кукушка. Славе нравилось в этих местах. Он продолжал рисовать пейзажи, играл с мальчишками в футбол, бегал наперегонки по широкой туристической тропе, проложенной над неповторимым берегом Яи, любовался ставшими редкостью глухарями и тетеревами, рябчиками в спокойных лесных куцах и на одиноких полянах, разбросанных, словно большие солнечные прогалины в вечнозеленом массиве тайги, то там, то здесь. В прозрачной Яе он видел больших, то застывших, словно мертвые в момент приближения добычи, то стремительных, как молнии, щук и налимов, охотившихся на мелкую и переливающуюся на солнце чешуей плотву. Отношения с местными ребятами у Славы быстро наладились. Как и отец, был он открытым и общительным, к тому же многое уже умел и знал, активно участвовал в жизни пионерского отряда, боролся за его спортивную честь, получил одну из первых в своей жизни Почетных грамот, и это придавало ему авторитета в мальчишеской среде. Он был этим доволен. Все, что осталось в родном городе, постепенно забывалось. Одно настораживало. Вскоре отец встретил в шахтерском городе молодую и красивую женщину с двумя детьми. И, как догадывался, Слава, похоже, влюбился в нее. Стал позже приходить домой, меньше времени проводил с ним. "Вот и путевку ему в лагерь, наверное, потому взял, чтобы больше времени со своей новой знакомой проводить". – Поначалу подумал он. Но когда отец в первые же выходные приехал к нему и почти весь день провел с ним рядом с пионерским лагерем на берегу Яи, где они купались и вместе плавали за желтыми кувшинками, долго, как самые близкие друзья, говорили, изменил свое мнение об отце. Но все же спросил: "А тетя Надя тебе нравится? Вы что, хотите пожениться"?

– Понимаешь, сынок, нельзя же мне всю оставшуюся жизнь без хозяйки куковать. Женщина она видная и душевная, чужую боль понимает, будет тебе как мать. Но если ты против, то будем жить отдельно, как и раньше".

– Да знаешь, пап, чего тебе одному, без женщины, жить. – Как-то по взрослому рассудил тринадцатилетний сын. – Женись, если хочешь"!

– Ну, с этим мы спешить не будем. Один раз уже поспешил... – Ответил отец. Присмотримся получше друг к другу, попробуем пожить под одной крышей, а там видно будет". В следующие выходные отец приехал в пионерский лагерь не один, а с тетей Надей, которая наго-

товила для Славки разных пирожков и сладостей и все хлопотала, чтобы он попробовал то одного, то другого.

Славку в свою семью тетя Надя приняла радушно. Никакого подвоха от ее расспросов и первого разговора с ней Славка не почувствовал. Да и в последующие дни и месяцы никакой разницы со своим сыном, младше которого Славка был на год, и шестилетней дочкой не делала. Ребята быстро подружились. И, видя это, отец и его новая подруга были счастливы. Ведь отец тоже со всей теплотой души относился к ее детям. Но однажды он пришел с работы и застал Славку с красными от недавнего плача глазами и серым, как вылинявшие и потемневшие от времени стайки – деревянные сараи местных жителей, – в которых они держали домашнюю живность и картофель, консервы и другие продовольственные припасы.

– Сынок, тебя что, кто-то обидел? – Сразу поинтересовался отец.

– Да никто, все нормально! – отмахнулся мальчишка. – Это я так, мать и бабушек вспомнил, соскучился по ним. – Попытался успокоить мальчик отца.

– Ты кого хочешь обмануть? Ни словом накануне о них не обмолвился, был весел, а тут в тоску и слезы? Что-то ты, брат, темнишь! – Не поверил отец. Но утомлять сына дальнейшими расспросами не стал. А прошел в дом и поинтересовался у своей новой подруги: "Надь, в чем дело, что это Славка зареванный такой"?

– Да мать моя приходила, отругала его за то, что он Андреев велосипед взял и катался на улице.

– А ей что, жалко что – ли? Он же мальчишка, смывая мыло с рук под умывальником, удивился такому обороту отец, явно не ожидавший ревнивого отношения со стороны своей будущей или уже настоящей тещи. – Свой велосипед у него в общежитии остался, надо бы сходить за ним.

– Ну и сходил бы, а то им одного не хватает. Хотя дело не в этом. Тут мать моя масла в огонь подлила. Я ее сама за это отчитала, разругались вдребезги, ушла домой обиженная. Сказала, что больше ее ноги у нас не будет.

– Слушай, но это же не нормально, дикость какая-то, чтобы из-за велосипеда и вот так – бить прямо по мальчишескому сердцу обидными словами.

Как позже выяснилось, Славку теща назвала чужим, живущим не в своем родительском доме. И каждый раз, приходя все же позже к дочери и внукам, она демонстративно показывала ему, что он и на самом деле для нее чужой. А отец его вообще какой-то чурка с Кавказа. Очень похожего на него мужика она вроде бы прошлым летом даже видела в их шахтерском городе. Приезжали нерусские на заработки.

– Мой папа сюда никогда ни приезжал, вы его с кем то путаете. – Услышав этот разговор пожилой женщины с его мачехой, не промолчал Слава. – И вообще вы, Клавдия Ивановна, на него зря наговариваете. Мой папа русский человек.

– Ну, ты видела, еще и оговаривается, стервец. Старших поправляет. Да какие вы там, на Кавказе, русские? Чеченцы и чурки вы и есть. Это мы – сибиряки – русские, веру свою и чистоту крови сохранившие...

– Мама, да как вы так можете! Ну, что вы такое говорите! – Всплескивала руками расстроенная Надежда.

– А то и говорю, что от этой неруси можно чего угодно ждать. Смотри, чтобы этот шустрый пацан твоей Ирке подол не задрал, пока не поздно смотри в оба, а то и до беды недалеко!

Надежда понимала, куда клонит ее мать, и это приводило женщину в отчаяние. Она то молчала, словно не слыша несправедливых обвинений со стороны своей сердечницы-матери, жившей в отдельной однокомнатной квартире, полученной от фармацевтической фабрики, находившейся неподалеку, когда мать лишь изредка заглядывала к ней и внукам, то начинала с ней ругаться, постепенно распаяясь и переходя на крик и слезы. Нормально жить мать ей не давала. Постоянно упрекала то в одном, то в другом. В последнее время нередко говорила,

что дочь забыла ее. А Надежду это обижало и она, в свою очередь, стыдила ее за то, что та не видит, как она занята, сколько у нее хлопот, никогда не придет и не позанимается с внуками, хотя на пенсии. А если приходит, то только жалит кого-то, словно змея, подпускает всем яду. Ну, разве так можно с родными и близкими! С мальчонкой, лишенной материнской ласки!..

– Послушай, Надежда, позволь мне с тещей поговорить, что она за бред несет, узнав о неприятных разговорах, предложил отец. За кого она нас вообще принимает!

– Да за чужих. Не хочет она вас признавать за своих. Настаивает, чтобы я снова с первым мужем сошлась. А что я с ним видела? Одни его измены и пьянство. Я только с тобой и увидела свет в окошке. Не обращай внимания.

– Извини, как это не обращать, если она мальчишку обижает. Я же к твоим детям со всем сердцем отношусь, не считаю их за чужих.

– Ты – совсем другое дело. Я – тоже. А вот она – это моя боль и несчастье, не хочет она счастья для меня, как я вижу. – Заплакала вначале тихо, а потом зарыдала в голос Надежда.

В это время дверь из сеней отворилась и на пороге появилась незабвенная теща с обиженным и сердитым лицом. Из-за ее спины выглядывала черноокая и набычившаяся, враждебно поглядывающая на Славкиного отца тетка Надежды, приехавшая из Томска погостить к сестре и сразу после ее рассказа взявшая выгодную для себя сторону в разгоравшемся конфликте. Опытные бестии знали, как посеять семена недоверия и разжечь пламя внутри новообразованной семьи, били в самое больное для Славки, его отца и мачехи.

Посмотрев на распоясавшихся пожилых женщин, не выбиравших выражений и явно процивировавших его, отец не выдержал и в свою очередь высказал им в лицо что-то неприятное и резкое. От чего те вначале оторопели и, словно воды в рот набрали, а потом разразились невиданной бранью. Отец понял, что их не переубедить и говорить с ними далее о чем бы то ни было совершенно бессмысленно. Когда они удалились, он попросил Надежду собрать его вещи, а сам вышел с сыном из почерневшего от времени и человеческих страстей дощатого дома, построенного на шахтерской улице еще в двадцатые годы прошлого века. Затем направился с сыном в общежитие, где за ними сохранялась их меблированная комната с установленным в ней по его просьбе цветным телевизором. Комендант общежития, в прошлом шахтер, потерявший во время обвала в забое руку, пошел навстречу. После статьи Декабрева в городской газете о проблемах безопасности на шахтах, о чем местные журналисты даже боялись заикаться в прессе, он зауважал его. А когда отец Славы заступился в печати за несчастных нервно-психических больных из расположенного в городской черте психо-неврологического диспансера – еще больше. Ведь их нещадно эксплуатировали на разгрузке товарняков или заставляли в тайге с колотушками в руках залазить на высокие кедры и сбивать шишки с орехами, отчего некоторые из них, срываясь вниз, получали увечья или тяжелые травмы. Он понял, что Декабрев легких дорог в своей жизни не выбирает, ведет непримиримую борьбу с человеческой жестокостью и несправедливостью, существующей в обществе. Таким людям живется не просто, но они, как надежда на лучшую жизнь, нужны людям, которых привыкли держать за "винтики" или какую-то мошкарку, надоедающую начальству своими жалобами и заботами. Отец Славы работал в газете заведующим отделом писем и жалоб, и к нему народ за помощью и поддержкой, почувствовав в нем настоящего журналиста и человека, валом валил. Декабреву было трудно и хлопотно от такой жизни, но он получал от нее удовлетворение и человеческую благодарность, был по-своему счастлив. Слава и кое-что просветлявший в его голове насчет отца дядя Володя это видели. Как видели и другое – как после вызовов на ковер в горком партии или в горисполком, в кабинет главного редактора за смелые статьи он, словно сжимался от душевной и физической боли и серел лицом. Владимир Федорович, сам немало испытывавший на своем веку, напучавшийся шишек от чиновников-номенклатурщиков, сразу понимал, что к чему и вытаскивал отца и Славку, как только подходили выходные, на очередную прогулку в тайгу.

Однажды, когда доехали на автобусе до шахты "Таежная" и прошли мимо нее по проселочной дороге до небольшого озерца, поросшего по берегам молодым, почти сиреневого цвета лозняком и подростом осин, они нечаянно набрали на громадного сохатого. Чуть поодаль в зарослях стояли, лакомясь молодыми ветками и листвой, взрослая лосиха и лосенок. Легкий ветерок дул с их стороны, поэтому они сразу не учуяли появление людей, и Славка, как замороженный, осторожно остановленный дядей Володи, смог наблюдать за этой свободной и, как ему показалось, счастливой лесной семьей. Особенно любопытно было наблюдать за полугодовалым лосенком, все еще искавшим сосцы под брюхом у матери и тыкавшимся в коричневато-розовое вымя матери своей тупой мордочкой.

– Ты посмотри, какие у них глаза, почти человеческие, сколько в них настороженности и тепла. Посмотри, как лосиха смотрит на своего сынка! – Изумленно и восторженно подскакивал Славе полушепотом дядя Володя. – Ну, живые души, живые они и есть. Не понимаю, как таких можно убивать, решительно не понимаю, словно люди и звери поменялись местами и своим предназначением.

– О чем это ты? – Тоже полушепотом спросил его отец.

– Да поговаривают, что совсем неподалеку в тайге лосей буквально истребляют местные начальнички. Без всяких лицензий ведут отстрел. Бают, даже бункер какой-то в тайге построили с холодильником, чтобы хранить в нем туши убитых лосей. Потом их разделяют, рубят на куски и отвозят на продажу в магазины.

– А ты откуда про это знаешь? – уточнил отец. А Славке от рассказа дяди Володи стало явно не по себе. Ну, как таких прекрасных животных с карими, почти человеческими, умными и добрыми глазами можно убивать!..

– А ты в магазинах видел, что под видом говядины продают? Бизнес у них! В азарт, черт бы их побрал, вошли. Деньги делают. Скоро лосей станут в Красную Книгу из-за такого бизнеса заносить, и вот такую картину, как сегодня, мы долго еще не увидим – все дальше от города лоси в тайгу уходят. Почуяли для себя угрозу от людей. Точнее, – от браконьеров. Какие они люди! Бездушные хищники и только!

– Слушай, это интересно. Надо бы разобраться! – Прошептал отец и в его глазах загорелся профессиональный огонек журналиста.

– Не лезь ты в это дело, шею свернешь. А сам не свернешь, помогут! – Как-то мрачно и загадочно высказал свое суждение по этому поводу Владимир Федорович.

– Дядь Володь, да разве можно животных беззащитными оставлять? – Поддержал отца Славка.

– Нельзя, но это не твоего ума дело. И отца ты не подзадоривай, не втравливай в это гнилое дело. За ним страшные люди стоят, я знаю. Точно шею свернут или застрелят.

Отец к совету приятеля прислушался, и сразу выступать в газете на лосиную тему не стал, а накатал письмо в ЦК КПСС, откуда вскоре приехала комиссия и в городе началась комплексная проверка. А вскоре разыскали на одной из заимок в тайге бункер с лосиными тушами и дефицитными товарами. Подцепили к массивной металлической двери стальной трос, дернули трактором. И когда мощная и тяжелая дверь вылетела наружу с громким скрежетом и звоном, проверяющие, среди которых были и работники прокуратуры, обнаружили под землей большой склад. Внутри его находились стеллажи, заваленные импортными и отечественными товарами, каких в обычных магазинах никогда не было. А потом подтвердились и более серьезные факты, о которых в своем письме в ЦК КПСС сообщил Декабрев.

– Ну, что, настучал в Москву, доволен! – Распекал после этого отца первый секретарь горкома партии.

– Так вы же меня не приняли, и выслушать по серьезным вопросам не захотели, в газете некоторые из моих материалов публиковать запретили, чего же теперь после драки кулаками размахивать?

– Ты посмотри на него-правдолюба и правдоискателя! Прямо героем себя чувствует. Приехала по его вызову комиссия на неделю, наведет порядок, уgomонит злоупотребленцев. Он первый о выявленных вопиющих фактах сообщил в столицу! Ты думаешь, я об этих фактах и фактиках не знал? Да у нас здесь все знали. Но как с этой махиной подпольной бороться? Ты хоть представляешь себе масштабы того зла, что уже давно укоренилось на нашей земле? Насилуют ее, сосут ее соки и уничтожают ее богатства и красоту, а мы порой просто бессильны.

– Ну, прямо-таки бессильны! – Парировал такой театральный прием отец Славки. – В ваших руках вся полнота власти. Может, все не так уж и сложно, просто вам не хочется отказываться от своего кусочка, который вы вместе с другими начальниками получаете здесь от незаконно выпекаемого "пирога"?

– Ну, ты это того, хватил, скажу я тебе. – Сделал обиженное лицо первый секретарь горкома. – Поосторожнее на поворотах, а то можно и за клевету ответить.

– Какая же это клевета? Чистая правда. Вы посмотрите на то, что в городе делается глазами не первого секретаря, хозяина города, а простого человека. И вам все сразу станет ясно. Я вот, к примеру, и многие другие, по общежитиям ютимся, а в городе недавно стало известно о десятках не зарегистрированных и, стало быть, незаконно построенных жилых домов. Это как вам – не факт?

– Ну да, конечно. Без тебя тут никто и ничего не видел. Ты приехал и всем глаза на все пакости жизни открыл. – Продолжал гнуть свою линию, сидевший под большим портретом Л. И. Брежнева, первый секретарь. – Молодец, ничего не скажешь. Пожил бы в моей шкуре хотя бы с годик, тогда бы понял, что такое директорский корпус в Сибири и как с ним бороться. Не я, а он тут главный хозяин. Но я вижу, мы с тобой так ни до чего и не договоримся. Ты меня понимать не хочешь.

– Почему же? Поддержите меня, встаньте на мою сторону, и я вас отлично пойму и оценю.

– Нет, парень, Сибирская провинция, как я вижу, не для тебя. Надо тебя отсюда в столицу или куда-нибудь в цивилизованную Европу выслать. Тут тебе делать нечего. Тут ты чужой. И все, хватит. Закончим на этом бесполезный разговор.

Его пересказ дяде Володе в их небольшой комнате в общежитии Славка, рисовавший ранее увиденных в тайге лосей, слышал отлично. И за стойкую позицию уважал отца. А дядя Володя почему-то, чем больше отец рассказывал, тем больше хмурился и становился, как черная туча.

– Сволочи, суки! – Наконец-то не выдержал он. – У меня отец вот таким же правдолюбом был. За что и пострадал. Расстреляли его в Ростовской тюрьме при Сталине. А беременную мать в Сибирь с моей старшей сестрой сослали, в Асино. Я, по идее, должен был на Дону родиться, а пришлось на Оби свет увидеть. Правда, уже без отца родного. Вот как бывает. И сколько здесь таких, как я, других – с ущербными и переломанными судьбами! Эх, Россия! Думал, ну, вот-вот и наступят лучшие времена. А нас снова в дерьмо мордами тычут, рты затыкают. Сколько же можно!..

– Да, печально и прискорбно! – Согласился с ним отец. – Но сидеть, сложа руки, и молчать нельзя. Я думаю, что все-таки найдутся в стране здоровые силы, которые повернут ее в правильном направлении, изменят жизнь к лучшему.

– Когда еще и кто? – Скептически улыбнулся дядя Володя. – Ты, Николаич, что, такой наивный, не понимаешь, как прочно Зло укоренилось на нашей земле?

– Понимаю. Но все-таки верю в скорые перемены.

Отец не ошибся. Чутье поэта и журналиста его не подвело. Примерно через три-четыре месяца после разговора с первым секретарем в горкоме и позже – дядей Володей в гостинице по телевидению выступал на известном апрельском (1985 года) пленуме ЦК КПСС с докладом о необходимости перестройки в стране Михаил Горбачев. По своему содержанию, как показалось отцу Славки, это было то слово, которого давно ждали в обществе. Похоже, к руковод-

ству страной, действительно, приходили здоровые силы. И, наивно веря в очередную идею по очищению страны от пороков и злоупотреблений, он готов был засучить рукава и работать, работать и днем и ночью. Но они с сыном были уже далеко от шахтерского города, где он со своими статьями и обращением в ЦК КПСС понаделал столько шума и привлек внимание центральных властей к реальным, а не придуманным, проблемам сибирской глубинки. К скорому отъезду из того города его подтолкнули самым грубым и отвратительным способом. Первый секретарь горкома КПСС на все это закрыл глаза. Когда Декабрев понял, что на него и Славку начали настоящую охоту в злосчастном сибирском городе с помощью обычных уголовников, то из боязни за судьбу сына, которого уже травили в школе и нередко припугивали, решил переехать на новое место, в Одесскую область. Вот там он и увидел выступление Михаила Горбачева по телевидению. И там же вскоре понял, что многим перестроечным идеям не суждено сбыться. Потому что страна так серьезно погрязла в очковтирательстве и злоупотреблениях, криминале, стала неуправляемой из Центра, что многое из задуманного генсеком – не больше, чем утопия. Предстоял еще долгий и кропотливый путь по выводу великой державы, уже охваченной пламенем сепаратизма, из глубочайшего кризиса.

В Одесской области он столкнулся с целым "букетом" проблем, от ядовитого аромата которых у людей не только кружились головы, но и нередко вообще отлетали в сторону. К примеру, одного из молодых пастухов в приграничной зоне подвыпившие городские начальники перепутали с диким кабаном, когда он пробирался сквозь прибрежные заросли рядом с Дунаем, и застрелили в том месте, где всякая охота вообще запрещена. Застрелили и зарыли, скрыли свое преступление от милиции и пограничников. Но когда последние делали очередной обход границы и приграничной зоны с собакой, та учуяла прикопанного под землей человека. Раскопали и ахнули – так это же знакомый им восемнадцатилетний пастух из близлежащего села. Уголовное дело завели, но расследование вели вяло, без особой охоты. Виновных так и не нашли. Вот и обратились родители парня к отцу Славки, который и здесь в короткое время успел прослыть честным журналистом, к тому же имеющим связи с московскими изданиями, "Комсомолкой". Вслед за родителями убитого парня к нему потянулась целая вереница абсолютно беззащитных и загнанных местным начальством в угол людей. Они уже почти потеряли веру в справедливость и вот только теперь, с его появлением в приграничном городе, вновь почувствовали в душах огонек надежды на то, что справедливость все-таки есть и ее можно добиться с помощью прессы. Но и тут отцу Славки сильно развернуть свою журналистскую и общественную деятельность не дали. Воспользовались простой формальностью, чтобы фактически выслать из погранзоны – у Декабрева не было прописки, а сам себе ее дать он не мог. Начальство же не хотело. С полгодика приглядывалось к новому строптивому журналисту, затем обожглось от некоторых его публикаций, посланных в "Комсомолку" и другие центральные газеты, и стало с помощью подручных "выкручивать ему руки". В горотделе КГБ отца, как он потом рассказал сыну, три с половиной часа допрашивали, как говорится, с пристрастием. Выясняли, зачем он приехал в погранзону, какие у него цели, кто его сюда приглашал и т.д. и т.п. И когда "выяснили", что он не шпион, и никакой подрывной или разведывательной деятельностью не занимается, а только честно исполняет здесь свой долг журналиста, работает в городской газете, куда его пригласил на работу главный редактор, то намекнули, что ни жилья, ни прописки, обещанных ему ранее, он здесь не получит. Потому, что чужой и не понимает местной специфики. Оставаться же в погранзоне без прописки нельзя. Нужно выехать в 24 часа, если не хочет, чтобы его арестовали. В редакции газеты после этого ему, надо полагать, не без участия упомянутого выше горотдела КГБ, устроили очередной фарс и разнос с истеричными заявлениями и обвинениями в его адрес. Одна из работниц, помнится, кричала: "Вы посмотрите, у него ребенок, а он так смело себя ведет. Несчастный мальчик, сколько горя выпадет на его долю из-за такого отца"!.. Как будто он и вправду был виноват в том, что общество так разложилось, и в нем перестали действовать написанные в советские времена законы.

Людей же использовали, как хотели. Он все это понимал, и вначале разозлившись на несправедливые упреки своих коллег, вскоре после этого уже жалел этих людей, вынужденных идти на поводу у власть предержащих. Но и о дальнейшей судьбе Славы он думал уже с некоторой тревогой – доля правды в словах еще вчера восторгавшейся его правдивыми публикациями сотрудницы, а сегодня по наущению начальства порицавшей его позицию, была. Нужно было принимать решение и то ли идти до конца, садиться в застенки и доказывать в суде, в письмах в вышестоящие органы свою правоту, либо выехать из пограничного городка. Ради безопасности и спокойствия сына он выбрал второе. За что приехавший позже представитель Одесского обкома партии назвал его малодушным человеком. Горазды были проверяющие в то время на "ярлыки".

А многие дела и журналистские расследования, начатые Декабревым в Одесской области, оставались к тому времени незаконченными. Чтобы завершить их, отец с сыном перебрались в близлежащий район Молдовы. Оттуда можно было при необходимости не без риска для себя наезжать на электричке и продолжать дальнейшие расследования. Что, собственно, Декабрев с помощью пострадавших от произвола властей и начальников людей в приграничной зоне и делал. Но он не знал другого, что здесь он встретит свою новую любовь и обретет свой новый родной дом. А Слава подрастет и поступит в художественное училище имени Репина в Кишиневе, там встретит свою первую любовь и после окончания "художки" рано женится. Как когда-то отец и его подруга, молодые не вступят сразу в официальный брак, а попробуют с годик пожить вместе под одной крышей. И потом, как по сценарию, спущенному свыше, разойдутся каждый своей дорогой. Правда, до этого прошло еще несколько непростых для Декабрева и его сына лет – в чем-то счастливых для них, в чем-то таких же тягостных, как и предыдущие, проведенные в других краях этой большой и необъятной страны, повсеместно пораженной к тому времени "метастазами" бюрократического произвола и медленного распада. Этот сложный и печальный процесс откладывал свой отпечаток на судьбах многих и многих людей, их характерах и климате семейной жизни. В канун известного Приднестровского конфликта, окончившегося, как известно большим кровопролитием, Декабреву и его новой семье снова всерьез пришлось думать о ее безопасности. За правдивые статьи журналистов теперь уже не распекали, а помещали в "Черные списки", отлавливали в темных и безлюдных закоулках, вывозили за город, обливали бензином и сжигали. Устрашали и членов их семей. Славка не видел всего этого только потому, что жил в Кишиневе, где страсти местных националистов выливались пока лишь в уличные и площадные митинги и многочасовые выступления с лозунгами типа: "Нам тесно. Русских – за Днестр, евреев – в Днестр"! Да еще – в редкие походы – то на Комрат, то на Бендеры для устрашения политических противников. В руках шествующих в таких колоннах, как правило, были факелы, обрезки арматуры, кастеты и ножи. Но официальные власти настоящих мер для наведения общественного порядка не принимали. Им, похоже, такие хулиганские и бандитские вылазки с участием криминалитета и переодетых, подвыпивших сотрудников милиции были на руку. Так как помогали решать политические и идеологические задачи силовыми методами. А Декабрев уже год, как сидел без постоянной работы, его травили и выживали из небольшого городка на юге Молдавии, где он встретил свою любовь и вступил в брак во второй раз. И здесь при всевластии партийно-советской номенклатуры он и его сын оказались чужими. В городке межнациональные и межклановые отношения накалились до предела, общественное мнение, которым манипулировали пришедшие к руководству республиканскими СМИ карьеристы и националисты, было сильно поляризовано. Оставалось только поднести спичку, чтобы вызвать настоящий пожар. А у Декабрева к тому времени родился маленький сын. Оставаться с ним и женой в полном ненависти городке было уже небезопасно. Он отправил их к тестю, на железнодорожную станцию, где у того был свой собственный дом. Старика уважали соседи, при случае они могли прийти на помощь. Да и супругу Декабрева они знали с детства – вместе выросли на одной улице. Поэтому там она

чувствовала себя более-менее спокойно. Сам Декабрев оставался в своем коттедже, который они достраивали вместе со Славкой и супругой. Показываться на улице было опасно. Нервы у Декабрева уже сдавали. Как-то он не выдержал и в одиночестве выпил целую бутылку коньяку, чтобы забыться от всего кошмара, обрушившегося на него самого и его семью в последнее время.

Стояла теплая и тихая июньская ночь. Лишь кое-где побрехивали соседские собаки. Полная луна, похожая на далекий прожектор, направила через небольшое окошко кухни голубоватый и конусообразный столб света на деревянный пол, рядом с которым находилась деревянная лестница, ведущая на чердак. Декабрев собственноручно смастерил ее, когда благоустраивал дом. Теперь она в случае чего могла пригодиться. Правда, прятаться на чердаке от боевиков было бессмысленно, все равно бы нашли и расправились, если захотели этого. Внезапно в боковую дверь, служившую черным ходом из кухни, постучали. Декабрев услышал этот стук сквозь охватившую его дрему. Он быстро поднялся с кресла-кровати, поставленного в его кабинете, и через приоткрытую дверь прошел на кухню, взял в руки топор и спросил: "Кто там"?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.